

Далия Кыйв

## Бард

Он сидел с гитарой у залива и, улыбаясь, запрокинув голову, глядел вдаль. К нему подсаживались, хотя рядом были свободные лавки. Иные клали ему руку на плечо и фотографировались. Бард был знаменит, и его общество льстило. Однако, пристраиваясь рядышком, почему-то усмехались. Смущенно, чуть сконфуженно. Видимо, оттого что бард не возражал, поскольку был чугунный. Однако скамейку ему поставили самую обыкновенную, не то что Пушкину в Лицейском саду, где и скамья была чугунная, и «растрепанный томик Парни» тоже отлит из металла.

Неподалеку от барда на складном стуле примостился предприниматель. Он сдавал напрокат велосипеда, о чем можно было догадаться по сверкающей плотной шеренге этих средств передвижения. Человек не навязывал прохожим свой товар, а точно так же, как чугунный бард, задумчиво и вдохновенно глядел вдаль, где обозначалась лишь линия горизонта, и то не всегда. В ясную погоду проступал далекий берег – черная волнистая полоска. Возможно, он ждал кого-то с круизным теплоходом. Или друга с яхтой. Или сына, брата, свояка на рыбацком баркасе. Или просто ждал, не отдавая себе отчета, чего ждет.

Мила тоже ждала. И тоже безотчетно. Ждать она начала еще до того, как приехала. Сосущее тоскливое чувство ожидания было вроде ремесла. Оно укладывалось в круглую диаграмму: десять процентов надежды, столько же отчаяния, тридцать процентов скуки и пятьдесят на деланный интерес к окружающему миру, призванный скрыть первые пятьдесят. Она здесь уже третий день, и прокатчик велосипедов мог заподозрить, что она чего-то ждет. Или о чем-то горюет, ишь, прикатила не в сезон, бродит одна,

но не блаженно беспечно, как те, кому некуда спешить. Марширует деловым шагом, как бы целеустремленно, хотя прокатчик знает, что в той стороне, куда она якобы спешит, лишь заросли камышей и несколько ресторанчиков с заколоченными окнами. Правда, на отшибе есть библиотека, однако дамочка возвращается без книг.

Заприметил, догадалась Мила. Не сбавляя темпа, она прошлагала мимо велосипедов и, достигнув камышей, свернула влево, к библиотеке.

Так как электронную почту она проверила накануне, не следовало заглядывать в Интернет сегодня – как бы служительница не подумала, что Мила чего-то ждет и ходит не ради книжек. Поэтому она прошлась мимо полок. Озабоченно спросила:

– Нет ли у вас Грильпарцера по-немецки?

Грильпарцера не оказалось, хотя немецкими книжками было забито несколько рядов. Мила взяла Гамсуна по-русски и французско-русский словарь, который брала в каждый приезд и с умилением следила, кто и когда его касался. Она пропустила два сезона, и за эти два года вроде никто словарем не пользовался. Впрочем, зимой кто-то взял и держал несколько недель. Переводчик? Студентка? Бальзак, Мопассан – что еще они изучают?

В библиотеке читателей не было. Журналы, газеты, местные и иностранные, программа ТВ, справочники, роскошные новинки изданий по искусству. Было неловко, оттого что она не пользуется всем этим.

Мила выбрала тонкую книжицу «Редкие растения нашего региона». Поразилась обилию этой флоры. Все, что росло в дюнах, было редкостью. Великолепные фотографии выставляли истинными мучениками природы эти нефритовые с сизым налетом былинки на безжизненном песке, жесткие, острые листья, стальные стержни с метелками седых цветков, сухих еще до своего появления на свет. Мила взяла книжицу на дом.

Для убедительности возвращалась не берегом, а по шоссе. Пусть велосипедник уверится, что она посещает библиотеку.

Назавтра Мила вышла к заливу с Гамсуном. Не спеша приблизилась к прокату велосипедов и села поодаль, на второй от барда скамейке.

Мимо промчалась девушка на велосипеде. У руля болталась табличка: «Велосипеды от Эльзы». Протянулась группа туристов.

Понятно: в дом-музей знаменитого писателя. На велосипеде с пестрым флажком прокатил молодой папа с сынком в детской корзинке. Еще одна компания исполнила ритуал, по очереди снявшись с бардом. Мила покосилась на прокатчика. Она не изменяла своему правилу не вступать в разговор первой. Как бы поняв ее установку, прокатчик подал голос:

– Ни то ни се, – он пожал плечами. – Посадить статую на взаимовыгодную скамейку – это надо уметь! Была бы чугунная, не лезли бы обниматься запанибрата.

– В одном старом фильме – открытие памятника. Сняли покрывало, а на руках у статуи – спящий бродяга... Живой и настоящий.

– Аа, Чаплин, – кивнул прокатчик. – Так ведь комедия. Именно!

Мила заметила, что барду, будь он жив, понравилось бы позировать с туристами.

– Да, он был свойский, – согласился велосипедник. – И его любили. Не заносился. Искренний... *«Никогда не вернусь на Ямайку, где не бывал никогда»* – это он сочинил, когда нам всем был закрыт путь не то что на Ямайку, даже в Польшу.

Прокатчик вздохнул.

Проследовал еще один велосипедист с пестрым флажком.

– Послушайте, – миролюбиво произнесла она, – вы бы придумали себе рекламу. Вот смотрите: «Велосипеды от Эльзы» или яркий флажок. Это привлекает внимание.

– Не думаю, – возразил прокатчик. – «Эльзы», тоже мне! Кому какое дело до какой-то Эльзы... А флажок... Заезвается кто-нибудь: что за флажок, еще под колеса угодит...

– Но там берут.... – возразила она.

– То есть не у меня? Может, к дому ближе, – упорствовал прокатчик. – Сядут, а сюда приезжают уже верхом.

– Вы все-таки подумайте! – воскликнула Мила, понимая, что разговор зашел в тупик. – Ого, мне пора... – и она с озабоченным видом удалилась.

Решила изменить маршрут и возвращалась не вдоль шоссе, а двинулась вверх по дорожке в дюнах. Опустевшие виллы еще хранили недавние звуки, запахи. Возле закрывшегося накануне ресторана чернели головешки очага, шуршали не успевшие сгореть бумаги, сырые от росы пакетики из-под чипсов. У развилки стояло

дерево, похожее на детский рисунок: плодов больше, чем листьев. Ветки, густо унизанные крупными абрикосового цвета сливами, клонились до земли. Перезрелые, растрескавшиеся плоды вповалку, кучками теснились в траве. Над ними вились осы. Мила взяла несколько слив. Мякоть была сочная, чуть отдававшая тленом.

Во дворе двое мужчин в ярких майках возились с огромным бумажным змеем. Состязания, – вспомнила Мила. – Через неделю, сразу после ее отъезда.

Направилась по безлюдному шоссе к морю. Навстречу пронеслась стайка молодых людей с мокрыми волосами. Купались?

У входа на пляж белели пустые дощечки, где обычно проставляли температуру воды, воздуха, волнение. Спасательский павильон закрыт.

На берегу песок еще хранил следы босых ног – большие, широкие. Возможно, вчера здесь были люди, играли в волейбол, с разбега кидались в воду, шумно окунались и плыли. Затем радостно, с чувством исполненного долга, не спеша брели на берег, обмениваясь ритуальными фразами о том, как бодрит студеная водичка.

Щиты на границе женского пляжа утратили смысл. На берегу не было ни души.

Мила разделась и медленно побрела в воду. Вполне приемлемо, градусов шестнадцать, а то и все семнадцать.

Назад шла лесом. «У Феликса» еще работали. Она присела за шаткий столик под сосной и заказала блинчики с творогом.

– Творога нет, не завезли, – сообщила официантка, смахивая со столика сосновые иглы. – Возьмите с вареньем, еще осталось.

– А салат с тунцом?

– Пойду спрошу, – с сомнением ответила девушка. – Вообще-то, мы закрываемся. Вот автобуса ждем.

Дорожка в лесу была сплошь усеяна шишками. Шаркая туфлей, Мила прокладывала фарватер. Неподалеку, у почты, есть сосна с небывало крупными шишками. Завтра гляну.

Когда-то она подбирала на берегу гладкие, отполированные морем щепки, интересные камешки, причудливые корни. Удачей оказался большой пробковый поплавок, потом он долго служил подставкой под горячий чайник, а еще однажды на берегу валялся настоящий якорь с четырьмя отрогами – рыбацкий? Все это вместе с разноцветными

улитками копилось на письменном столе рядом с неизменным французско-русским словарем и очередной книгой, привезенной из дома, и еще одной – взятой в библиотеке. В те далекие годы из некоторых комнат доносился стрекот пишущей машинки.

Сегодня велосипедник поздоровался. Мила, улыбнувшись в ответ, присела на соседнюю скамейку. Она ни разу не устроилась рядом с бардом. Раскрыла «Редкие растения нашего региона».

– Чем они только живы? – вздохнула она. – Ведь в песке – совсем ничего.

– На нервах держатся, – убежденно ответил велосипедник. – У них ведь не корни, одни нервы.

– По-вашему, нервы сильнее корней? – усомнилась Мила. – И добывают этим созданиям пищу?

– А как же! – оживился велосипедник. – Нервы и память. Ведь как родится такая былинка? Возьмите это, – он ткнул тростинкой в фотографию. – Лунник оживающий – *Lunaria rediviva*. Как говорится, ни рожи, ни кожи, какие-то ниточки. А весной, вы бы поглядели, как цветет. Вся наша «тундра» наряжается. Сейчас в лесу на земле один сухой мох да тонкие былинки, а в июне, нет, вы бы поглядели, как они наливаются цветом, похоже, будто розовое облако на землю пало.

– Здесь так интересно... – осторожно произнесла Мила. – Здешние люди хоть знают?

– Знают – что? – насторожился предприниматель.

– Знают ли они, какие красоты рядом с ними?

– Это для вас, приезжих, красоты. А наши люди иначе все видят. Заалели лесные травы – пора смолить баркасы. Много мойвы – будут угри. Готовь коптильню.

– Для чего же вся эта краса? – вздохнула Мила.

– Для жизни. Они так живут, – энергично подхватил велосипедник. – Наливаюсь – стало быть, здоров, буду жить. Увидит кто – тронет, рассеет семена, буду родить. Ведь им бы только родить да родить...

Он вздохнул и положил свою тростинку. Взял другую. Мила заметила целую горку таких же тростинок.

– Что-нибудь плетете? – спросила она.

– Ну да, – кивнул велосипедник – Клетку для птички.

– Аа, – протянула Мила. – Для какой птички?

– Какая получится, – усмехнулся предприниматель.

Прошла, радостно переговариваясь, группа немцев-пенсионеров. Никто не предложил сняться с бардом.

– Что, иностранцы не пытаются? – спросила она.

– Им неинтересно, – сокрушенно вздохнул велосипедник. – Они-то его не знали. И таких памятников в Европе много.

Показалась девушка и остановилась у скамейки с бардом. Минут через пять явился молодой человек, и они ушли.

– Тут и свидания назначают! – заметила Мила.

– А как же, – обрадовался велосипедник. – Он тут свой, даже не представляю, чтобы без него.

На следующий день Мила увидела рядом с хозяином велосипедов несколько готовых клеток, не слишком просторных. День был тусклый, у берега возились утки, с криком кидались в воду белые крачки, иногда взмывая с рыбкой, но чаще порожняком.

– Кого посадите в клетки? – спросила она, – ведь птицы улетают. Или на станции кольцевания достанете?

– Найдем! – радостно подмигнул велосипедник.

Мила унесла в библиотеку Гамсуна. Оставалось два дня. Можно было не ждать.

...Ночью ее разбудил мерный гул. Кольнуло ожиданием. Автобус, какой-нибудь поздний рейс? Гудение то затихало, то нарастало, в нем было нечто сродни музыке, заунывно-настырной, электронной. Она вышла на балкон.

В свете фонаря роилась туча мошкары. Не в силах противиться магической тяге, насекомые кружили, натываясь на лампы, падали и умирали все с тем же жужжанием. В небе вращалось колесо маяка. Мгновениями бледные полосы света скользили по лужайке, и Мила заметила двух играющих зайцев. Ночной луна-парк в безлюдном селении. Зайцы на карусели маяка.

Из комнаты донеслась мелодия. Вот как, ремейк – танго, а была свежая новинка, тягучая, мучительная мелодия с неожиданными модуляциями. Нравилась В. Он не приехал в это опустевшее селение, которое знавал и прежде, когда Мила наезжала лишь в сезон. Как-то он прожил здесь целую зиму, пасмурную и бесприютную. Собирался, но передумал, его сманили в курортный городок в двух часах езды отсюда.

Сказать велосипеднику, что уезжает? Или исчезнуть, как все, ничего не говоря. Решила для пробы пропустить денек, и следующий день провела на море. Всю неделю не было дождя, но вмятины от ступней уже сгладились. На нетронутой поверхности песка отпечатались крестики птичьих лапок. Узкая полоска отлива была в аккуратных круглых дырочках от лопнувших пузырей морской пены. Валялись мокрые белые перья чаек. Мила порылась в мусоре, нашла несколько тонких гладких щепок, одна, с круглым утолщением на конце, походила на миниатюрный восточный инструмент саз. Прошествовала через все три пляжа и сдала в библиотеку словарь. Напоследок оставила «Редкие растения» и Гамсуна.

Назавтра подошла к прокатчику.

– Так и знал, не уехали, – оживился он. – Вы же книги не сдали.

– Уезжаю, – кивнула Мила. – Как дела?

– Отлично, – засмеялся велосипедник. – Скоро птицы потянутся. Там, – он кивнул в сторону залива, – говорили, налаживают сети.

– Возьмете птичек на станции? – спросила Мила, кивнув на череду клеток. Рядом лежали упаковки элементов ААА. Подторгивает? – мелькнуло в голове. Да ведь никого...

– Нет, что вы, – лукаво улыбнулся велосипедник. – Стану я птиц в тюрьме держать, как же!

Мила согласилась, что держать птиц в клетке нехорошо. Пожала плечами.

– Я трехчасовым...

– Понятно, – кивнул хозяин велосипедов. – Выходит, не дождалась?..

– Было замечательно! – искренне проговорила она. – Красиво и легко.

– Это уж точно, – согласился он. – Я тут вам подарок смастерил. Откроете дома, ладно?

...Автобус, неуклюже раскачиваясь, точно старый пароход, медленно отчалил от станции. Осторожно пошел в гору, задевая крышей за ветви деревьев. Его обогнал человек на велосипеде. У руля болталась тростниковая клетка.

В городе Мила открыла коробку. В тростяном домике сидела птичка из беспорядочно склеенных цветных лоскутков. На грудке было яркое оранжевое пятно, и Мила нажала. Раздалась

тихая мелодичная трель. Перехватило дыхание... Такое уже было, было... жарким июльским днем...

...жарким июльским днем автобус, кативший в городок с неблагозвучным, буравящим названием, вдруг развернулся и стал. Кондуктор, подвыпившая блондинка, отводя глаза, произнесла:

– Мы не поедем в К., возвращаемся.

– А как же...

– Микрушка бегают...

Стоя на развилке, Мила озиралась. Ни единого щита или дорожного указателя. Никакой «микрушки» или попутки, ни дальнотойщиков, ни частных автомобилей. Гладкое шоссе с ярко-белой сплошной полосой посередине выглядело потусторонним. По обе стороны асфальта, точно свеженамалеванная декорация, теснились неряшливые, ничуть не припорошенные пылью, неухоженные кусты. За ними раскинулись рыжие пространства выгоревших на солнце пустошей, и там не паслись никакие стада. Она не знала, в какой стороне лежит городок со скрежещущим названием, где чудака полуфранцуз-полуфинн купил бывшую колхозную усадьбу и занялся благоустройством территории. Нынче он позвонил: на капусту «романеско» напали гусеницы.

Солнце жгло затылок, впереди на асфальте разливались и по мере приближения исчезали блестящие озера-миражи. Огромное, глубокое безмолвие поглотило ее отчаяние. За ширью лугов открывались леса, горстки покинутых хуторов и деревни с нелепыми, утратившими смысл именами, окутанные дымкой города и весь мир – скорбный, как желтый трупик зайца на обочине, как дождь в Кейптауне, и властный, как это густо-синее небо, тяжелое, точно глыба льда. Великая, беспредельная свобода и благодать были разлиты над неподвижными, нетронутыми просторами. Дышалось легко, как бывает, когда соберешься с силами и в захлавленной комнате вымоешь пол. Обычно за мытьем полов она пела.

Литва